

*У огня, ослепший,
Я дрожу. Должна ты,
Женщина, простить мне
Глаз моих несчастье.
Англии владыке
Я певал, бывало.
Слушал он охотно,
Золотом платил мне.*

Еще как-то раз Эгиль подошел к огню погреться. Один человек спросил его, не замерзли ли у него ноги, и сказал, чтобы он не держал их слишком близко к огню.

– Так я и сделаю, – сказал Эгиль, – но мне теперь нелегко ставить ноги куда надо. Я ничего не вижу, а слепота делает неловким.

И он сказал тогда вису:

*Еле ползет
Время. Я стар
И одиноқ,
Не защитит
Конунг меня.
Пятқи мои
Как две вдовы:
Холодно им.*

В первые дни правления Хакона Могучего Эгилью пошел девятый десяток. Во всем, кроме зрения, он был еще крепок. Однажды летом, когда люди собирались на тинг, Эгиль попросил Грима, чтоб он взял его с собой. Гриму не понравилась эта просьба. И когда Грим и Тордис разговаривали друг с другом, Грим сказал ей, о чем Эгиль просил.

– Я хотел бы, – добавил он, – чтоб ты выведала, что кроется за этой просьбой.

Тордис пошла к Эгилью, своему родичу. Самой большой радостью для него было разговаривать с нею. Придя к нему, Тордис спросила:

– Это правда, дядя, что ты хочешь поехать на тинг? Я хочу, чтобы ты мне сказал, что ты там думаешь делать.

– Я скажу тебе, – отвечал он, – что я задумал. Я хочу взять с собой на тинг оба сундука, которые мне подарил когда-то конунг Адальстейн. Оба они полны английским серебром. Я хочу, чтобы сундуки втащили на Скалу закона, где всего больше народу. Потом я раскидаю серебро, и было бы удивительно, если бы люди мирно поделили его между собой. Я думаю, тут будет довольно и пинков и пощечин, и возможно, что в конце концов все на тинге передерутся.

Тордис ответила:

– Это была бы великолепная шутка, она бы осталась в памяти, пока страна обитаема.

Потом она пошла к Гриму и сообщила ему намерение Эгиля.

– Нельзя позволить, чтобы он осуществил такой чудовищный замысел, – сказал Грим.

И когда Эгиль опять заговорил с ним о поездке на тинг, он отсоветовал ему ехать. Так Эгиль остался дома. Ему не нравилось это, и он был очень не в духе. Летом из Мосфелля перегоняли скот на горные луга, и Тордис была в горах во время тинга. Как-то вечером, когда люди в Мосфелле уже ложились спать, Эгиль позвал двух рабов Грима. Он велел привести ему лошадь.

– Я поеду помыться на горячий источник, – сказал он.

Собравшись, он вышел, взяв с собой свои сундуки с серебром. Он сел на лошадь, выехал за ограду и поехал по лугу за пригорок, пока не скрылся из виду. А утром, когда люди встали, они увидели, как по холму к востоку от двора бредет Эгиль и тянет за собою коня. Они пошли и привели его домой. Но рабов и сундуков больше не видели, и о том, куда Эгиль спрятал свое серебро, было много догадок.

В Мосфелле к востоку от двора есть в горе овраг. При внезапной оттепели оттуда низвергается водопад. И вот после спада воды в этом овраге стали часто находить английские монеты. Некоторые высказывают догадку, что Эгиль спрятал там свое серебро. Ниже Мосфелля есть большие и очень